

Мамара
Цибетова

ЗАБЕРИТЕ МЕНЯ ДОМОЙ

Повесть

ГЛАВА 18. НИКОЛАЙ И МОИ ЯБЛОНЬКИ

Под окнами помещения, где располагалась наша группа, росли яблоньки. Плодов на них было много, но сколько себя помню, они всегда оставались зелеными – видимо, просто не успевали созреть. Днем я часто видела мальчишек на деревьях. Дети срывали кислые, незрелые плоды, надкусывали и бросали на землю. Яблоки, конечно, были вкусные, вот только нужно знать, в какое время они созревают.

В летний сезон детский дом переходил на палаточный режим. Лагерь размещали буквой «П». По периметру ставили кровати. Верх был накрыт шифером, а стенки лагеря брезентовые. Воспитанники спали на свежем воздухе до сентября. Наши кровати стояли в самом углу, шов палатки был плохо сшит, и, распустив нитки, мы сделали проход в брезенте, который днем аккуратно прикрывали от чужих глаз.

Мы с Алмой Сариевой, моей лучшей подругой, были помешаны на яблоках. Алма не чаяла во мне души. Где какие бы приключения ни происходили, нас везде и всюду видели вместе. Ранним утром, как только начинало светать, мы выбирались из палатки и бежали в сад.

За ночь плоды на земле остывали и становились сладкими, от них шел неповторимый аромат. Я знала наперечет все деревья в саду, где и какие сорта яблок растут, когда они созревают. Мальчишки лазили по ним, а мне было больно смотреть на деревья, ведь я знала, что они страдают от тяжести.

С первых дней, как только нас привезли сюда, я любила свободное время проводить среди яблонек. Мне казалось, что они ждут меня. У меня для каждой яблоньки было свое имя: «Птица, Улыбчивая, Мария Ивановна, Ласковая». То дерево, что росло возле нашей группы, было похоже на птицу, из-за крыши нашей веранды его ветви росли в разные стороны, словно распростертые крылья. Мне нравилось смотреть на птицу-яблоньку снизу вверх, когда хотелось помечтать. Казалось, что она сейчас весело рассмеется и взлетит, и мои мечты исполнятся, а грусть рассеется в веселых облаках.

Рядом стояла Улыбчивая яблонька. На нее хорошо падал свет солнечных лучей, и листочки ее были зеленые и светлые. Я могла доверить ей все свои секреты. Дерево, тихо шелестя листьями, словно говорило мне:

Окончание. Начало в №9. 2018.

– Какая ты у нас еще маленькая!

На это мне всегда хотелось скромно похвастаться, что я скоро научусь читать и писать, а значит уже большая!

А третье деревце было старое. Ветви его устало свисались до самой земли. Яблок на нем было мало, но какие они были вкусные! Его хотели спилить, но наш сторож не позволил, встав на защиту. Эта яблонька давала большую тень, спасая летом от жары. У дерева было два ствола, и потрескавшаяся кора напоминала ноги моей воспитательницы, на которых выделялись крупные вены. Это дерево я звала Марией Ивановной. Обнять ее я не могла, рядом с деревом стояла кровать, на которой все лето спал наш глухонемой сторож. Николай прошел всю войну и, вернувшись, жил здесь же с женой в небольшой сторожке. Оба они были контужены на войне, из-за чего потеряли слух и речь.

Мне казалось, что дерево также грустно вздыхало, как наша воспитательница, и укоризненно покачивало своими ветвями:

– Ну вот, опять пришла Тамара. Ну что на этот раз скажешь? – говорил его печальный вид.

Я старалась тихо обойти его, как это делала при Марии Ивановне, когда попадала в какие-нибудь приключения.

И только самое дальнее деревце было Ласковым. Я обнимала его и рассказывала ему обо всех своих радостях и горестях, о тех, кто несправедливо меня обидел. Яблонька внимательно слушала и нежно касалась листочками моего лица. Мне нравилось, как она щекотала меня, задевая своей листвой, успокаивалась и больше не плакала. А иногда она дарила яблоки. Они падали, стучаясь об землю, как будто говорили: «На, съешь меня!»

Так здесь было хорошо. Тихо. Я слушала перешептывание листвы деревьев и чувствовала, что яблоньки о чем-то переговариваются между собой, ведь деревья все понимают и никого не обижают. Когда меня видели с очередным яблоком, с усмешкой спрашивали:

– Что, опять яблонька тебе подарила яблоки?

Я, хвастаясь, отвечала:

– Да, подарила! Потому что деревья добрые и меня любят!

Когда подросла, то уже стеснялась приходить в сад. Но яблоньки свои помнила и любила всю жизнь.

Как-то ранним утром во время очередного нашего набега в сад я заметила на старом дереве, том самом, что когда-то я называла «Мария Ивановна», крупные, уже созревшие плоды. Яблоки тихо покачивались на ветвях дерева, маня своими спелыми плодами. Конечно, если их оставить, то днем вездесущие мальчишки обнаружат лакомство, а чтобы сорвать, надо залезть на самую макушку. Было еще только около шести часов утра, и на кровати в это время еще спал наш сторож. Мы его боялись. Если он пожалуется, то обязательно нас накажут, чего мне очень не хотелось. Моя фамилия итак уже звучала каждое утро на линейке. Но соблазн был велик. Алма лазить по деревьям не умела, и пришлось подниматься мне. Осторожно карабкаясь по стволу дерева, я почти достигла цели. Мне оставалось только протянуть руку, как сук, на который упиралась ногой, предательски треснул, и я в ужасе полетела вниз, свалившись спящему сторожу прямо на голову.

Пока ошеломленный Николай приходил в себя, что-то мыча и размахивая руками, мне удалось спрыгнуть на землю, и от неудачного приземления я подвернула ногу. Прихрамывая на ходу, мы кинулись бежать со всех ног в спящий лагерь.

Утром сторож уже стоял у порога нашей группы с синяком под глазом, и на его лбу красовалась здоровая шишка. Он возмущенно жаловался на девочку с яблоками.

показывая, как она ковьяляет. Потом изобразил обезьянку, лазающую по деревьям, вспомнил, как я однажды стащила сухофрукты, обнаруженные на крыше его дома, и вообще вытащил все мои грешки столетней давности. Указал на чердак, откуда когда-то исчезли сухари. Этот случай произошел со мной не так давно, и его еще помнили все воспитатели. Наши старшеклассники принесли в спальню сухари с поджаренной корочкой. Они так вкусно пахли, что у нас, девочек средней группы, текли слюнки, когда мы слышали хруст лакомства за стеной. Это было невыносимо терпеть, когда кто-то ест рядом, а ты голодный. Подглядев, откуда таскают сухари я уговорила подружку залезть на чердак кухни, где обычно их сушили. Это было запретное место. Никто бы додуматься даже не мог, чтобы в пять утра, пока все спят, залезть по лестнице на чердак. Никому даже в голову такие мысли не приходили. Это делали только старшеклассники, помогавшие поварам и за это получавшие вознаграждение сухарями. Как только добрались до содержимого мешка, мы тут же щедро поделились народным добром, пока не опустошили его содержимое полностью. Чтобы утереть заносчивым старшеклассникам нос, ночью выключили свет и как по команде стали также аппетитно хрумкать сухарями. Удовольствие было – не передать словами.

Нас двоих наказали. Раздели и забрали платье. Хоть и было лето на дворе, но стоять на виду у всех было неприятное удовольствие. На моих трусах была слабая резинка, и я мучилась оттого, что мне казалось, что они вот- вот спадут с меня, и, боясь насмешек своих товарищей, я цепко держалась за них как за спасательный круг. Но это еще полбеды. У моей напарницы уже появились первые признаки растущей груди. Как мне было стыдно за нее! Я усиленно подавала ей знаки, чтобы она прикрыла их хотя бы руками, а ей было безразлично, что у нее там растет, она спокойно кривлялась, перед всеми, словно мартышка. Одна из воспитательниц принесла лифчик и объяснила, что ей пора его носить, чтобы закрывать свою грудь. Как только мне вернули платье, я о слабой резинке даже не вспомнила. С чего это я взяла, что она была слабая?

Глядя на пантомимы Николая, можно было написать целый роман о моих бесконечных проделках. Он продолжал настойчиво жестикулировать, а потом, словно наивный ребенок, переключался на собственную персону, изображая умирающую лебедь. Это был вылитый Чарли Чаплин – герой великой пантомимы.

Воспитатели лишь вежливо кивали головой, ничего не понимая, о чем он им пытался рассказать. Но кто лазил по деревьям – вычислили сразу. Моя боль в ноге не проходила, и я, как ни старалась, не могла не хромать.

Отчитав за бессердечный поступок, меня лишили на три дня возможности играть со всеми на улице и решили, как только нога заживет, поставить в угол. Надо сказать, что наши углы я знала все наперечет. Их было нескончаемое количество, и на каждом можно было найти мой автограф: «Здесь была Тома!»

После утреннего происшествия медсестра накладывала мне повязку на лодыжку. В это время в медпункте появился Николай. Увидев виновницу своих страданий, он стал тыкать пальцем в меня и в свое лицо. Медсестра решила подшутить и показала ему большим пальцем вверх, что означало:

– Молодец! Хорошо смотришься!

Мне вдруг стало стыдно за свое не очень «красивое» поведение, и я подумала, что нужно мне извиниться. Сложив руки на груди и подняв глаза вверх, я изобразила кающуюся Марию Магдалину, правда, с улыбкой на устах, и чуть не получила щелбан в лоб от Николая.

– Ну вот, Зоя Никитична! Хотелось как лучше, а получилось как всегда! – пожаловалась я.

– Да кто же так извиняется, Тамара?

– Я бы вслух извинилась, но он ведь не услышит, – поглядывая косо в его сторону и отодвигаясь в дальний угол кушетки, где сидела в это время с нашим сторожем, осторожно произнесла я свою речь, боясь, что шишка, которая сидит у Николая на лбу, может также легко оказаться и у меня. Он лишь досадливо отмахнулся. Николай и не собирался меня обижать, но кто знает, как говорят в таких случаях, «береженого бог бережет».

День еще не начался, а все уже знали об этом происшествии. Николай, хоть и не умел говорить, но оказался болтливей всех нас вместе взятых. Пересекаясь с ним, директор, заведующая и все наши молодые воспитательницы деликатно выражали сочувствие и терпеливо ждали, когда же он наконец закончит свой нескончаемый немой монолог, но, получая удовольствие от женского внимания, он вновь и вновь описывал все подробности утра.

Повстречавшись с ним в очередной раз, заведующая Людмила Алексеевна, опасаясь повторной демонстрации, не выдержала и, глядя в мою сторону, страдальчески проговорила:

– Ну вот, цыганский цирк уехал, теперь неделю будем немое кино смотреть, пока у Николая синяк под глазом не исчезнет!

ГЛАВА 19. ДЕТИ И МИР ЖИВОТНЫХ

С самого детства меня притягивал мир животных. Я была любопытной, и мне хотелось знать все: их привычки, что едят, что любят, ореал их обитания.

У нас на хозяйственном дворе жили кошки с котятами и собаки со щенками. Самым примечательным здесь был ишачок Вася. На нем Николай каждое утро привозил продукты.

Насколько помню, животное жило здесь не первый год, когда однажды вдруг выяснилось, что это не он, а она, и у нее скоро будет малыш. В результате имя ишачку срочно поменяли, и Вася стал Василисой.

В одно прекрасное весеннее утро у Василисы появился очаровательный малыш, и ребягня детского дома была рада этому событию. Ослика называли Борей. Мы рвали свежую траву для Василисы и давали ей из своих рук через щель забора, каждому хотелось лично накормить маму и погладить маленького ослика.

Ослик появился ночью и еле стоял на тоненьких ножках, неуверенно тыкаясь мордочкой в материнское вымя. У него на губах были капли молока. Хлопая большими ресницами, он смотрел на мир с удивлением. Дети, облепив загон сарая, зачарованно следили, как происходит великое таинство природы, с волнением наблюдая за каждым движением малыша.

Мать ревниво прикрывала дитя своим телом, а мы, замерев, открывали трогательный и неожиданно прекрасный мир животных. Ведь, по сути, мы тоже были малышами, но рядом с нами не было таких преданных матерей. Кто-то из малышни захныкал. Это был пятилетний Андрейка, который прибыл в детский дом недавно. Глядя на ослика, он забылся и стал просить молока.

– Ты чего? – кто-то грубо одернул его. – Это же не корова. Ослиное молоко нельзя пить.

Но Андрейка не унимался и плакал. К нему подошла старшая сестра и, прикрикнув на того, кто смеялся над ним, объяснила нам причину его поведения.

– Братик вспомнил свою маму, вот и плачет, – сказала она, успокаивая его.

Мы знали, каково это было жить без родителей, поэтому все сразу притихли и просто наслаждались, наблюдая за лаской и нежностью животных.

Сколько в этот день было для нас открытий, радости, восторга и умиления! Ведь мы в то утро оказались свидетелями появления еще одной маленькой жизни, и это трепетное чувство любви к ослику его мамы потрясло наши детские души.

За животными ухаживал наш сторож. Он запасал сено на зиму, кормил и чистил сарай. Здесь же, в будке, жил большой пес по кличке Черныш, охранявший хоздвор. Он был вполне спокойным, детей не трогал, терпеливо сносил ласки, но близко к нему я все же не подходила. Чтобы Черныш пропустил меня в ворота, я задабривала его хлебом.

Там, где живет крупный рогатый скот, обязательно находят себе пристанище самые ласковые существа – кошки.

Мне доставляло большое удовольствие проводить время с животными, возиться с кошками и собаками, ухаживать за ними, играть. Они доверчивые, словно дети. А какие у животных глаза, как они смотрят на тебя, какую преданную, беззаветную любовь они могут дарить! Сколько счастья светится в их наивных мордочках, когда они видят в тебе друга!

Дети и животные хорошо понимают друг друга, находясь на одной волне, которую со временем теряют взрослые. Человеку нужно только открыть сердце, и тогда он почувствует своего маленького друга.

Меня знали все собаки в округе. Если по дороге в школу я видела стаю, то спокойно подходила и гладила каждое животное. Они безоговорочно принимали меня в свои игры, и от них не исходило и тени угрозы.

Однажды в саду, рядом с кухней, я нашла нору с беззащитными котятами. Вытащив одного, я заметила, что у него изо рта шла пена – малыш был совсем слабеньким. Нужно было напоить кроху молочком, поэтому, сунув котенка за пазуху, я незаметно пронесла его на кухню. Голодный малыш громко замыкал. Его присутствие тут же обнаружили и выхватили котика из моих рук. Детям хотелось обнять и приласкать маленькое пушистое существо, и котенок пошел по рукам.

Через некоторое время все, кто держал котенка, заболели чесоткой. Нас изолировали и больше недели никуда не выпускали. В школе объявили карантин. В стенах школы только и было слышно:

– Ну вот, опять детдомовские отличились!

Медики рьяно взялись за проверку младших классов, и тех, у кого обнаруживали чесотку, тут же отправляли домой. Эта новость разнеслась по городу.

– Ну надо же, элитная школа, и вдруг такое! – говорили на каждом углу. – Какой позор!

В детском доме шли бесконечные проверки – санэпидемстанция, представители здравоохранения и отдела образования искали источник и распространителя болезни. Не могли понять, как попала зараза в детский дом.

Мы лежали в изоляторе, перемазанные лекарством, когда к нам пришла заведующая детским домом. Поглядывая в мою сторону и хватаясь постоянно за левую грудь, она по совету медсестры капала валерьянку на кусочек хлеба и с негодованием повторяла:

– Опять ты! И где же эту чесотку- то откопала? Сколько себя помню, у нас даже во время войны этой заразы не было, а тут такое. Ославила нас на весь город! Это же ужас! Ужас! – бесконечно повторяла она.

– Людмила Алексеевна, я всего лишь хотела накормить умирающего котенка, мне показалось, что он сильно кушать хочет! – оправдывалась я, вытирая слезы. Мои «болевшие» товарищи, которые только что весело носились по палате, кидая друг в друга подушками, притихли.

Я не могла объяснить человеку, который никогда не любил животных, что готова еще раз переболеть чем угодно, лишь бы знать, что котенок сейчас жив. А в это время на линейке опять звучала моя фамилия.

ГЛАВА 20. СТРАШНАЯ ОВЧАРКА

Занятия в школе закончились, и наступили летние каникулы. В воскресенье наша группа должна была пойти в кинотеатр на фильм «Бумбараш». Уже были куплены билеты. Мне нравились песни из кинофильма, и я с нетерпением ждала этого дня. Не хотелось попадать ни в какие приключения. Но как ни старалась, я вляпалась в очередную историю.

Мы спали в летнем лагере. Вставать рано запрещено. Нарушать режим нельзя. Но, просыпаясь раньше всех, я протирала глаза и тихо выскальзывала из палаты. Я сделала для себя открытие: я узнала, что жизнь раннего утра удивительна. Ты чувствуешь полную свободу и наслаждаешься всем, что ты впервые видишь. Будь это распустившиеся почки на деревьях или капельки утренней росы на траве, ранняя трель соловья или спящий майский жук на колочке. А какой аромат издавал наш сад! Я знала, где сейчас зреет вишня и спеют помидоры, и находила вкусное яблоко между стволов дерева на яблоньке. Жизнь дарила мне каждый день новые, порой неожиданные открытия, надо было лишь пораньше проснуться. В такие минуты я, маленький ребенок, чувствовала себя единым целым с матушкой природой. Именно в этот промежуток со мной происходили приключения, наверное, оттого, что мое любопытство не знало границ. В то утро заняться было нечем – книги почитать не было, вчера я опоздала, и двери библиотеки закрылись прямо перед моим носом.

За оградой нашей палаты-спальни находился дом бывшего директора детского дома. Варвара Васильевна всю жизнь посвятила любимой работе и жила рядом с нами, до последних дней отдавая всю себя без остатка детям. Штaketник одного из ее сараев находился прямо на территории палаточного лагеря. Здесь была дыра, и я часто наблюдала, как кто-нибудь из детей выманивал котят для своих забав. Присев на корточках, я заглянула в щель: «Кис-кис-кис!»

Но все было напрасно, котенок ни в какую не хотел вылезать. Я еще раз заглянула в щель и, услышав учащенное дыхание, заметила на земле тень от виляющего хвоста. Весь лагерь в это время спал сладким утренним сном.

До утренней зарядки, которую мы делали, как только просыпались, оставалось еще полчаса. Мне хотелось поиграть с котенком, который был почти рядом.

«Во что бы то ни стало надо поймать его», – решила я. Подойдя к калитке, прислушалась. На другой стороне было тихо. Отодвинув щеколду, вошла, осмотрелась. Метрах в четырех стоял дом с голубой резной верандой, оплетенной виноградной лозой. Уютная небольшая терраса выглядела аккуратной и чистой, дальше – сад, огород и сарай, где предположительно находился котенок.

Ничего не подозревая, я направилась туда. Сделав всего два шага в сторону, я оцепенела от страха: прямо передо мной стояла огромная овчарка.

«Так вот чью тень от хвоста я видела!» – осенила вдруг догадка, но было уже поздно. Сердито разглядывая меня и вывалив набок свой длинный розовый язык, она как бы спрашивала: «И чего ты тут потеряла?»

В голове пронеслось: «Бежать!»

Но я не могла двинуться, меня вдруг парализовало на месте от дикого ужаса. Угрожающее дыхание собаки становилось все ближе и ближе.

Вдруг со двора донесся лай нашего Черныша. Овчарка заметила за моей спиной открытую калитку, и мне показалось, будто ухмыльнулась. Затем, облизнувшись, проскользнула мимо и куда-то умчалась. Волосы у меня зашевелились и встали дыбом, когда она задела мои ноги хвостом. Видно, у нее на сегодня были другие планы.

Словно очнувшись от гипноза, я бросилась бежать с чужого двора, забыв закрыть за собой дверь. Надо было спастись, ведь страшная овчарка могла передумать и вернуться. Мне казалось, что она уже бежит за мной по пятам.

Наш глухонемой сторож видел, как я неслась, чуть не сбив его с ног. Постучав пальцем по голове, он показал: « Иди спать».

В это время овчарка нашла щель в заборе и пролезла к своему дружку Чернышу. Я услышала лай собак и крики наших животных.

Не успел Николай открыть ворота, как ему навстречу выскочили ишаки, а за ними две счастливые собаки.

Мама родная, что было! Лучше бы я сегодня не просыпалась...

Животные носились, словно сумасшедшие, собаки заливались лаем, а запыхавшийся Николай безуспешно пытался загнать всех в сарай, гневными жестами обещая показать кому-то кузькину мать и отвернуть ему голову. Все бы этим и закончилось, но возбужденная своей добычей здоровая овчарка продолжала гнать обезумевших животных к себе домой, и, спасаясь от погони, те пулей влетели в открытую калитку.

Поднялся такой переполох, что пионерский горн, обычно будивший спящий детский лагерь, не понадобился. Разбуженные шумом, дети в один миг были на ногах. Ишачок Борька кричал громче всех и все время кружился вокруг взбешенной матери, а та, сражаясь за малыша, норовила лягнуть все, что попадалось подозрительного на ее пути.

Ее мощные копыта то и дело зависали в воздухе, а вслед им, словно мячики, летели директорские кастрюли, ведра, банки, висевшие на штaketнике, виноград и то, что было заботливо посажено домочадцами на огороде. Облепив забор, словно мухи, «храбрые» мальчишки дико свистели, кричали и давали свои умные советы, как выманить ишаков, словно глухонемой Николай мог что-то вообще слышать.

Наверное, поняв, что натворили, Черныш и овчарка куда-то тихо испарились.

На очередной утренней линейке староста группы, Сережка Малютин, вышел из строя и громко, чеканя каждое слово, доложил:

– В результате беспечных и, можно сказать прямо, хулиганских действий – опять называли мою фамилию! – был причинен небывалый ущерб огороду всемирно уважаемого и заслуженного Героя Социалистического Труда, бывшего директора детского дома Варвары Васильевны, огороду, в который был вложен огромный человеческий труд и пот великих усилий и ежедневной заботы для выращивания полезных для нашего организма растений. Помидоры, перец, огурцы и капуста сегодня погибли под копытами ни в чем не повинных животных.

Затем он, грустно вздохнув, и словно на поминках, продолжил:

– Остались висеть одни горькие баклажаны...

Все, кто слышал эту страстную речь, попадали на землю, схватившись за животы.

Но мне было совсем не до смеха. Правда.

ГЛАВА 21. КАК МЕНЯ В ПИОНЕРЫ НЕ ПРИНЯЛИ

Скоро 22 апреля, День пионерии. В школе должен был пройти концерт, и все усиленно готовились к этому важному событию, а после концерта нас должны были принять в пионеры. Я ходила на репетиции в актовъый зал школы и пела песню «Орленок». Песня была патриотическая, и на меня была вся надежда. Я пела, а школьный хор подпевал, получалось очень красиво. Это было уже не первое мое выступление на сцене, и я не особенно волновалась. Петь у меня получалось хорошо. Голос мой был на редкость красивый. В школе не было ни одного обладателя такого сопрано.

Мария Ивановна любила слушать, как я пою, и перед концертом на всякий случай предупреждала:

– Тамара, только не попади в какую-нибудь новую историю. Ты поешь главную песню. На концерте будут важные гости из города. Это тебе не детский дом. Пой хорошо и старайся. Мы гордимся тобой.

Я с нетерпением ждала, когда наступит этот день, ведь на нас должны были надеть галстуки. В нашем классе все отличники уже стали пионерами и ходили в красных галстуках, такие красивые, что мне тоже не терпелось его скорее надеть.

Наконец этот день настал. Еще раз была проведена репетиция, и нас повели в актовъый зал. Народу в зале – почетные гости города на первых рядах, весь педагогический состав школы и наши будущие пионеры.

Меня вывели на сцену. За роялем сидела наша преподавательница по музыке, и почему-то рядом стояли трое старшеклассников, у одного был барабан и у других гитары. Что они должны были здесь делать, ведь я репетировала только с учителем музыки, а не со школьным ансамблем?

Моя преподавательница взмахнула рукой и стала играть. Все шло как обычно, я пела. В зале была хорошая акустика, и голос мой взвизвался высоко, словно птица. Стояла тишина. Затаив дыхание, зрители с волнением слушали красивую песню. Я спела один куплет.

Но тут подключились музыканты, чего нельзя делать во время исполнения песни, или делать нужно профессионально, не нарушая единства солиста с музыкой. Один из гитаристов стал настраивать свой инструмент под нужный ему ритм, другой наигрывать не те ноты, сбивая меня с настроенной тональности. Песня очень трудная, ноты надо брать высокие, любая фальшь будет мешать ее исполнению. Добил меня барабанщик, перебивая своей частой дробью по своим барабанам, лучше бы по своей голове постучал. Было такое впечатление, что ему вообще медведь на ухо наступил. Каждый играл то, что мог, забыв обо мне. В это время, стараясь помочь, аккомпаниатор усиленно била по клавишам, усердно махая головой в такт, напоминая мне, чтобы я слушала только ее. Но было уже поздно. Сбившись с ритма, я пела так, как считала нужным. Мне на какой-то миг показалось, что ее голова сейчас отлетит в сторону. В зале слышались первые смешки, а затем хохот зрителей. Помня о том, что мне скоро наденут красный галстук, я под шумок ускорила свою песню и, решив отважно идти до конца, стала орать наугад, перекрикивая свой же хор. Чтобы было всем понятно, о чем пою, я к ужасу своих учителей размахивала руками, показывая, как орленок должен долететь прямо до самого солнца. В хоре поднялся шум, хористы не успевали за мной. Мы, словно из басни «Лебедь, рак и щука», каждый тянул в свою сторону. Наконец моя долгая песня закончилась, и я глянула в зал. Что там происходило! Школьники попадали со своих стульев, а учителя сидели

с красными, как помидоры, лицами. Комиссия тоже повеселилась, утирая с лица слезы платочком. Меня в этот день в пионеры не приняли, решили отложить до следующего раза.

ГЛАВА 22. МАРИЯ ИВАНОВНА

Мария Ивановна работала воспитателем в нашей группе два года. Когда-то, тридцать лет назад, в 1942 году, совсем молодой она приехала в Казахстан из полыхающей от бомбежек Украины вместе с эвакуированным детским домом и осталась здесь навсегда, как и весь приехавший вместе с ней персонал.

По рассказам воспитанников знаю, что одновременно ехали еще два поезда с детьми из других детских домов. Они попали под ковровую бомбардировку немецких истребителей, и в живых не осталось ни одного ребенка, все погибли. Поезд, в котором ехали дети нашего детского дома, остался невредимым и прибыл к месту назначения.

Сейчас нашей воспитательнице было уже за пятьдесят. Глаза ее были глубоко посажены, и взгляд этой грузной женщины был всегда печальным – так смотрят матери, у которых полон дом детей. Она ходила не торопясь, в перевалочку, и быстро уставала. Помню ее ноги, на которых, будто опутанные паутиной, выступали синие вены.

В углу прихожей стоял шкаф, в который мы складывали свою школьную одежду, а за ним было небольшое пространство. Там, рядом с батареей, стояла вешалка для одежды, где обычно мы прятались зимой, чтобы погреться. Каждое утро, приходя в группу, наша воспитательница надевала свой халат и оставляла на вешалке домашнюю одежду. Я заметила, что те воспитатели, которые работали долгое время, были намного милосерднее и добрее к детям, и воспитанники отвечали им взаимностью.

Мне нравилась Мария Ивановна. Помню ее добрую улыбку, когда речь заходила обо мне. В ее характере была мягкость и женская мудрость, которые вызывали во мне спокойствие и доверие к ней. Многие годы спустя я помнила все, чему она старательно нас учила. Ее интересовали все изменения, которые происходили с нами в процессе взросления, и, конечно же, то, как мы учимся.

Я тянулась с тройки на тройку, не напрягаясь списывала домашние задания. Наставница ежедневно садилась делать со мной уроки, каждый раз повторяя:

– Неужели ты не понимаешь, что те, у кого ты списываешь, достигнут многого в жизни, будут хорошо зарабатывать, а ты сможешь только подметать помещения и мыть полы? Надо бороться за себя, чем ты хуже других? Пройдет еще немного времени, и в учебе ты их уже не догонишь. Так и будешь посредственностью во всем. А ведь ты можешь быть лучше.

Но как это сделать? Когда я старалась, то у меня получалось все наоборот. Из-за своего любопытного и неумного характера я все время попадала в какие-то неприятности и приключения. Слыша свою фамилию на каждой утренней линейке, я порой сама удивлялась тому, что это опять говорят обо мне. Живя долгое время в детском доме, я так и не научилась ходить строем вместе со всеми. Помню, даже в танце маленьких лебедей дети поднимали левую ногу, а я правую.

Но что-то в словах воспитателя все же зацепило мое самолюбие. Она увидела хорошие черты в моем «несносном» характере. Если бы об этом мне говорили раньше! Ребенка нужно обязательно хвалить, а не только бесконечно твердить

ему, что ты плохой и все у тебя плохо. Услышав о себе что-то новое и хорошее, он обязательно будет стараться, ведь в него поверили, ему дали надежду на то, что пусть он и не такой, как все, но такой же хороший со всеми его неудачами.

Как-то я дежурила в столовой и красиво нарезала хлеб. Марии Ивановне понравилось, и она удивленно воскликнула:

– Смотрите, как хорошо Тамара нарезала хлеб.

Прибежали наши девочки, будто услышали о каком-то чуде. Тогда я впервые, без разговоров и спекуляций, вымыла чисто всю посуду и помыла полы. На мою работу пришли посмотреть воспитатели других групп, убеждаясь у Марии Ивановны, точно ли это Тамара помыла или нет? Мария Ивановна учила нас всему.

Часто в детский дом приходили бывшие воспитанники и передавали новости о выпускниках. Редко кому удавалось без помощи самостоятельно подняться. Долгое время детдомовские просто выживали, без еды, без крыши над головой. Не умея экономить, тратили свои заработанные деньги за одну неделю и вынуждены были голодать до следующей зарплаты. У воспитанников, не привыкших к самостоятельной жизни и не умевших экономить, садилось здоровье. Наши мальчики, не найдя выхода из тупика, искали легкие пути заработка, подсаживались на наркотики, воровали и попадали в тюрьмы. Особенно нелегко было девочкам. Вся тяжесть жизни ложилась на их хрупкие плечи. Рядом не было ни родителей, ни воспитателей, некому было протянуть руку помощи. Жизнь как бы мстила им за то, что не смогла навредить в детстве, заставляя страдать и выносить все мучения судьбы снова и снова. Детдомовских бросали мужья, видя их неприспособленность к жизни и незащищенность. Девочки шли по рукам, а были и такие мамы, которые от безвыходности своего положения вновь отдавали своих детей в детские дома.

Перед глазами стоит трехмесячный ребенок моей подруги Розы. Когда я впервые его увидела, он был похож на маленький скелетик, одна кожа да кости. У Розы не было денег, чтобы поесть, не было работы, жилья. От слабости кроха не плакал, а изредка пищал, словно котенок. Я видела, что он умирает. От безысходности своего плачевного положения мать не реагировала на своего ребенка – какой ребенок, самой бы выжить. В общежитиях, как только узнавали, что скоро очередная детдомовская родит, выселяли без разговоров, и выброшенные на улицу постигали все муки ада.

Переживая за нас, наставница все время учила:

– Жизнь будет у вас нелегкая, надо готовиться ко всему. Вы, девочки, должны сейчас научиться вкусно готовить, соблюдать порядок в доме, уметь вести свое хозяйство.

Я чувствовала ее тревогу за наше будущее и запоминала все, что хотела передать нам Мария Ивановна.

Как-то в группу залетел воробей и сел на голову воспитательнице. Кто-то крикнул, что это плохая примета. К сожалению, беда действительно случилась. У Марии Ивановны было двое взрослых детей, в которых она души не чаяла, – Татьяна и Олег. С сыном произошел несчастный случай. Он погиб на собственной свадьбе, попав под колеса автомобиля пьяного водителя.

Ее не видели, казалось, целую вечность, а когда она вернулась, в поседевшей и постаревшей сразу на несколько лет женщине было трудно узнать Марию Ивановну. Сочувствуя, мы старались слушать ее во всем. Приходя на работу, она терпеливо делала с нами уроки, учила вышиванию, рукоделию, прививала любовь к чтению. Чувствуя, как нелегко ей забыть свое горе, мы старались ни в чем ей не перечить.

Вечное противостояние с нашей воспитательницей незаметно исчезло. Ее горе сблизило нас. Появилось желание получать хорошие отметки, чтобы увидеть скромную улыбку Марии Ивановны.

– Молодец, я знала, что у тебя все получится, – хвалила она, и для меня это было самой высокой наградой.

Однажды на летней площадке я случайно услышала разговор. Сидя на скамеечке в тени деревьев, воспитатели о чем-то говорили. До меня долетели слова:

– Если бы не умер отец, разве Тамара была бы сейчас здесь?

Внутри защемило, и стала разгораться тупая боль. Я вдруг вспомнила, что где-то есть моя семья, когда-то приходила мама, и была сестра Ася. Увы, я уже никого не помнила. Весь день проплакав, я впервые стала задавать себе вопросы: почему я здесь, почему обо мне все забыли? Опять во мне проснулась маленькая девочка, и я захотела найти своих родных и близких. Вечером попросила Марию Ивановну помочь найти мою сестру Асю, объяснив ей, что та находится в одном из детских домов. Воспитательница дала мне обещание, что обязательно разыщет сестру, и слово свое сдержала.

ГЛАВА 23. УТЕРЯННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Стоял июнь. Я сидела на скамейке, когда Мария Ивановна принесла конверт, на нем было написано: «Сестренке Тамаре от Аси».

– Это письмо от Аси, твоей сестры, – напомнила о своем обещании Мария Ивановна.

Заглянув в конверт, увидела внутри письмо и фотографию. На черно-белом снимке стояла девочка лет четырнадцати, кудри ее вились до плеч. Она опиралась о белую машину. На ней были модная кофточка и коротенькая юбочка. У нас так одевались только старшеклассницы, которые не желали носить одинаковые вещи и шили себе одежду сами. Ася улыбалась на фотографии. Это была моя копия, только старше года на два.

Подшли мои подружки, и через пять минут весь детский дом знал, что нашлась моя сестра, да еще такая модная и красивая. Для наших новость стала сенсацией номер один в этот день. Пока читала письмо, все мои одноклассники рассматривали фотографию и передавали из рук в руки.

Ася передавала привет, писала, что помнит меня, что находится в детском доме № 14 в городе Ленгере, и если получится, то она придет меня навестить. Почерк в точности повторял мой, только у нее он был более аккуратный. Прочитав письмо, я стала искать фотографию, но она таинственным образом исчезла. Спрашивала всех, кто видел ее, но в ответ слышала только одно:

– У тебя красивая сестра, как ее зовут?

– Ася.

– Как вы похожи друг на друга!

– Кто-нибудь видел фотографию моей сестры?

– Не знаю! Там наши мальчишки стояли, всем интересно было увидеть твою сестру. Ты поищи в другой группе, она уже точно не у нас. Сюда из старшей группы тоже подходили, рассматривали снимок.

К поиску подключились подружки, сообщив всем о моей потере. Для детдомовских любве новости о родных, тем более фотографии, были очень дороги. Но все было напрасно. Фотография сестры исчезла, и теперь только письмо напоминало мне о том, что я на свете не одна.

ГЛАВА 24. ПОД КУПОЛОМ РАССЕЯННОГО СВЕТА

На улице стояли крепкие морозы, снег валил ежедневно, укрывая землю пушистыми сугробами. Старшекласники, радуясь зиме, залили лед на игровой площадке, и получился прекрасный каток, на который приходили ребята со всей округи. Тогда катанием на коньках увлекался весь город.

Каток освещал единственный фонарь, что висел на дереве, стоявшем посередине площадки. Вечерами здесь раздавались веселые голоса наших выпускников. Они заканчивали в этом году школу, и с их мнением уже считались, нас же в случае обнаружения на катке отправляли спать, говоря, что малышне здесь делать нечего. Но какие же мы были малыши в двенадцать-тринадцать лет?!

В один из таких вечеров ко мне подошла моя давняя подруга Света:

– Тома, ты знаешь Сережу Малинина, моего одноклассника? – спросила она.

– Тот, который вздыхает по тебе с первого класса?

– Да. Сегодня он принесет коньки, давай выйдем вместе. Он хочет меня научить кататься!

– Конечно, пойдем на каток! – согласилась я, – но я кататься не умею, просто побуду с вами. Как раз будет идти фильм «Семнадцать мгновений весны», все будут его смотреть, и нам никто не будет мешать.

Света благодарно улыбнулась.

Мы все знали о привязанности Сережки. Это тот самый длинноногий мальчишка с большим чубом и веселой улыбкой, который жил совсем рядом, в пятиэтажке, стоявшей в двухстах метрах от детского дома, и знал все лазейки нашего детдомовского забора.

Я знала, что он без Светы жизни себе не представлял. Как только мы выходили из ворот, направляясь в школу, тут же появлялся Сережка и, взяв портфель из рук моей подружки, нес его до самой школы. Ни у кого и в мыслях не было называть их женихом и невестой, его привыкли видеть в нашем обществе с первого класса и чуть ли не каждый день. Да и сама подруга не обращала на ухаживания Сереги должного внимания.

Я вспомнила случай с куклами.

На праздники – в День Советской Армии и 8 марта – в классе было заведено дарить подарки. Мальчики нашего 2 «Д» выносили кукол и называли имена девочек. Куклы были красивые, маленькие и большие, с большими глазами, двигающимися руками и ногами. Мне тоже хотелось иметь свою куклу: менять ей прически, шить платья, костюмы, укладывать спать на сшитую своими руками постельку, играть с ней и делиться своими тайнами. У меня были заготовлены лоскутки тканей, которые я собирала на уроках вышивания.

«Если подарят, буду бережно обращаться с куклой», – думала я.

Имена выкликали по алфавиту. Моя фамилия в журнале стояла самой последней. Одноклассницы спокойно забирали подарки и садились на свои места. Такие же красавицы, подаренные родителями, стояли дома, домашних девочек было трудно удивить еще чем-то. А мое сердце в это время разрывалось от нетерпения, казалось, что сейчас произойдет чудо и мне тоже подарят такую куклу. Как я хотела в это верить!

Наконец, назвали и мое имя. Не дожидаясь повторного вызова, уже через секунду я стояла у доски с горящими глазами. Мне было трудно скрывать свое волнение. Сердце сильно стучало, готовое выпрыгнуть из груди. Но чуда не произошло. Мне, как и в прошлом году, подарили пупсика. С ним не поиграешь, не посадишь, одежду не наденешь, руки и ноги его склеены, стоит, как оловянный солдатик, к тому же еще и лысый – абсолютно бесполезная игрушка. На мое разочарование никто не

обратил внимания. Подумаешь, кукла. Это лишь еще одна надоевшая игрушка для избалованных подарками девочек.

В этот день наши девочки вернулись из школы расстроенными, они отдавали пупиков воспитательнице, а она их складывала в коробку, чтобы унести детям в младшую группу.

На нашей Свете в этот день, как и в прошлом году, подарили куклу мечты. И сделал это тот самый Сережка, который, как хвостик, повсюду следовал за ней.

К Светлане у меня было особенное отношение. Я ее обожала.

Как только нас привезли сюда, Света сразу подружилась со мной. Первое время она постоянно была рядом. В детском доме был суровый, совсем не детский режим, но ее нежное отношение согревало меня теплом и скрашивало жизнь. Она исполняла мои капризы, играла, носила на руках, и я тянулась к ней как к свету. Она была моим оберегом, почти сестрой. Света была на год взрослее, а старшие дети часто берут на себя заботу о младших.

Со временем нас разделили по группам, и, как бы этого ни хотелось, времени на то, чтобы видеться, совсем не было. Хотя интуитивно, на подсознательном уровне, я не забывала о той нежности, которую когда-то подарила мне моя подруга. Это были всего две недели короткого счастья.

Из всех ровесников Света выделялась мягкостью и взрослой рассудительностью. Мне эти черты в ней нравились. Мы были очень разными: Светлана – светловолосая, высокая и худенькая. Кожа ее была белая и вся в маленьких родинках. Я же вспыльчивая, упрямая, и внешне – полная ее противоположность: у меня вились каштановые волосы, я была чуть справнее ее.

Вечером, пока все смотрели телесериал, мы, как договаривались, вышли на ледовую площадку.

Сережка появился внезапно, как будто поджидал нас. Распаковал вторые коньки, помог надеть их Свете и вежливо предложил мне свои, но я отказалась.

Им обоим шел четырнадцатый год – вроде как еще маленькие, чтобы вообще о чем-то в этом возрасте можно было говорить. Но даже между старшеклассниками я не встречала столько трепета, нежности и деликатности в отношениях друг другу.

Не всем дано любить, и не всех любят! Я видела трогательное чувство мальчика к девочке, которое, развиваясь годами, только крепло и росло. Это происходило постепенно, время лишь укрепляло это притяжение. О том, как дорога была Света, свидетельствовали Сережины глаза: он смотрел на нее с искренним обожанием и восхищением.

Взяв Свету за руки, Сергей некоторое время осторожно вел ее по льду. Затем, подбадривая, стал понемногу отпускать. Неуверенно держась на скользящих коньках, подруга визжала на всю площадку, но, как только он подкатывал к ней поближе, смешно била его варежкой.

– Сережка, ты почему меня бросаешь, я сейчас упаду, – пищала она.

– Не бойся, Светланка, я ни за что не дам тебе упасть. Я буду рядом с тобой всю жизнь, – смеялся он ей в ответ.

Мальчишка нарочно кривлялся, изображая, что плохо держится, падал и вставал. В его действиях не было ничего, что могло бы показаться обидным или оскорбительным, наоборот, он старался изо всех сил понравиться девочке. И как только она падала, он моментально оказывался рядом, не давая ей ушибиться.

В зимней ночи тусклый свет фонаря куполом рыжих лучей накрывал двух подростков. Падающие снежинки нежной вуалью скрывали счастье моих друзей. Время для них остановилось. Казалось, что они попали в другое измерение и забыли обо

всем на свете. И только морозный треск в кронах замерших деревьев напоминал о нашей действительности.

Внезапно из комнатки поварахи, будто желая нарушить идиллию зимнего вечера, раздался хриплый звук пластинки, и в тихой морозной ночи полилась песня о любви – «Последняя электричка».

Заметив, что руки подруги замерзли, Сережа стал согревать их своим дыханием, держа в своих ладонях. Крупная снежинка упала на ресницы подружки, мальчик осторожно подул, она улыбнулась. Стараясь скрыть нахлынувшее волнение, он оглянулся... А может, мне это все показалось?

В этот вечер я почувствовала связь между моими друзьями и поняла, как дорога была Сереже Света.

Наконец она махнула мне рукой:

– Тома, ты не замерзла? Мы уже идем.

Одинокое сидя на скамейке, я делаю вид, что рисую на снегу фигуры. Снег валит уже крупными хлопьями. Становится очень холодно. В приемной гаснет голубой экран телевизора, и значит, сейчас нас будут искать.

– Света, сейчас придут сюда, – предупреждаю я.

Притихший Сергей помогает Светлане переобуться, и мы, попрощавшись, уходим. Уже у входа в группу я оглянулась. На площадке стояла одинокая фигура.

Летом меня забрала домой мама, и долгое время я ничего не знала о детском доме. Я скучала по подруге и часто вспоминала тот зимний вечер.

Через несколько лет, приехав в свой город, нашла телефон Светланы и позвонила ей. Подруга сразу пригласила меня в гости. Дом нашла быстро, он находился рядом с детским домом.

Я позвонила. Мне открыл двери молодой человек.

– Здравствуйте! Здесь живет Света?

– Да! А вы Тома?

– Да!

– Я муж Светланы, Сергей! – он, улыбаясь, протянул мне руку. – Проходите!

Мужчина галантно помог мне снять пальто. Глядя на Сергея, я вспомнила зимний вечер и наконец узнала в нем того мальчика, его светлый взгляд...

Тут он оборвал мои мысли.

– Светлана, Тома уже пришла! – Сергей уже вежливо обратился ко мне. – Проходите, жена в вашу честь пирог печет.

Послышался знакомый голос:

– Тома, проходи на кухню!

На кухне за столом сидели двое малышей, погодки. Света хлопотала у плиты. Сергей, обняв жену, пробовал пирог.

Увидев меня, она обрадовалась:

– Ну, здравствуй, Тома! – она обняла меня. – Сколько лет мы не виделись!

ГЛАВА 25. КУРЬЕЗНЫЙ СЛУЧАЙ

Четвертая четверть обучения в пятом классе подходила к концу. У нас, как и во всей школе, в последний месяц учебного года ежедневно проводились контрольные и диктанты.

Я сидела у окна. С моего места хорошо было видно протекавшую неподалеку речку, по берегам которой густо росли деревья грецкого ореха. Мальчишки, знав-

шие секрет белоснежных зубов, в конце апреля постоянно зависали на деревьях. Если натереть мягкой кожурой ореха десны, то зубы через пять минут становились ослепительно белыми. Но эффект был недолгим и через три часа исчезал.

Вот уже который день Гена Параитиди тщательно втирал кожуру и весь день блистал улыбкой, приводя в восхищение девчонок и учителей. Эффект от орехов на его больших, словно кукурузные зерна, зубах был ошеломительным. Все мои одноклассницы в изумлении поворачивали головы в сторону улыбающегося Генки. Хоть он и был греком по национальности, ему нравилось сравнение с американцем, а еще лучше – с французом.

– Смотрите, смотрите, Гена наш идет! Ну точно, вылитый американец, улыбка, как у французского актера Жана-Поля Бельмондо, – слышал он вдогонку страстный шепот девчонок.

Смуглый, почти черный, как негр, Параитиди, чувствуя к себе пристальное внимание школы, грелся в лучах своей славы. Выпятив грудь колесом, вышагивал плавной походкой павлина, раздавая направо и налево свою шикарную улыбку. Он был счастлив. Он был героем недели и так вошел в роль, что, даже зевая, не забывал улыбаться. Видимо, в какую-то минуту мышцы лица не выдержали нагрузки, и при зевке он просто не смог закрыть рот.

Это произошло прямо на уроке, во время диктанта. Мы сидели за одной партой, когда он ткнул меня локтем в бок.

– Что нужно? – прошептала я. – Не мешай. Вот когда напишу, дам списать.

Обычно он списывал у меня диктанты и сочинения. А на контрольных по математике мы менялись тетрадями, и оценки были у нас почти одинаковые. Если у меня стояла пятерка по сочинению, то у него четверка, и наоборот по математике. Если Генка получал четверку, то мне доставалась тройка. По диктантам у меня почти не было ошибок, но почерк был – как будто курица лапой писала, а вот сочинения я любила писать. Такое там могла нафантазировать, что учительница все время повторяла:

– Умбетова, ты что, на луне живешь? – и со скрипом ставила мне очередную пятерку, а рядом через дробь стояла тройка за почерк. Я аккуратно подтирала тройку.

– Вот, Мария Ивановна, глядите, я не только могу тройки получать.

И, хвастаясь своей пятеркой, бегала по всему детскому дому.

Пытаясь опять привлечь внимание, Параитиди пнул ногой меня под столом. Меня это возмутило, и я ответила ему ударом книжкой по голове.

Он замычал и руками схватился почему-то за свои драгоценные зубы. Ничего не заподозрив, я спокойно продолжила писать диктант, чтобы не отстать от текста.

Списать Генка еще успеет.

Наша учительница русского языка и литературы была строгой пожилой дамой, и мы, конечно, все ее боялись. Иногда казалось, что у нее на затылке третий глаз и к тому же исключительный слух. Если Наталья Андреевна стояла спиной к классу и в этот момент мы пытались помочь своему несчастному товарищу подсказкой, она, не оборачиваясь, проговаривала:

– Самохвалов, не старайся, я все вижу. Титова, успокойся, сейчас за подсказку получишь двойку.

Из ее уст эта оценка звучала устрашающе. Сидя за учительским столом и держа в одной руке журнал, а в другой – очки, она, щурясь, выглядывала из-за них, словно голодная кобра. Если ученик не знал урока, она выстреливала в свою жертву:

– Дыва! Садись, – растягивала она слова с шипящим присвистом.

– Дыва, – уже громче повторяла она, чтобы было слышно всем в классе.

При слове «два» меня пробирала дрожь, я чувствовала себя в этот момент маленькой обезьянкой перед удавом Каа.

Как-то мы вошли в кабинет русского языка и литературы, когда все уже рассаживались по своим излюбленным местам. Самое хорошее место было за партой у окна. Отсюда открывался прекрасный вид на речку. Витька Потемкин решил опередить одноклассников. Он подошел и попросил учительницу:

– Наталья Андреевна, можно, я сяду к окну?

Наша учительница не любила, когда разговаривали безграмотно, и язвительно ответила:

– Ну какни, Витенька, какни!

После этого случая класс довольно долго потешался над «какни, Витенька»...

Тем временем Наталья Андреевна заметила суету за нашей партой и сделала замечание:

– Паразитиди, хватит ловить мух, закрой рот и пиши диктант.

Мой сосед, не вытерпев боли, встал и, мыча уже на весь класс, умоляюще показал пальцем в рот. Поняв, наконец, в чем дело, учительница вызвала «скорую помощь», и нашего Бельмондо увезли в больницу. У Гены случился вывих нижней челюсти, причиной врачи назвали весенний авитаминоз.

ГЛАВА 26. ДОРОГА ДОМОЙ

Урок был в самом разгаре. Стараясь не делать ошибок, я старательно выводила слова. Внезапно дверь открылась и вошла классный руководитель Татьяна Анатольевна.

– Умбетова Тамара здесь?

– Да! Здесь, – отвечаю я.

Татьяна Анатольевна просит учителя отпустить меня с занятий и громко говорит всему классу:

– К Тамаре пришла мама.

В классе воцарилась гробовая тишина. Затем детей как прорвало:

– К Тамаре пришла мама? У нее ведь нет родителей!

– Ну надо же, у Тамары мама есть? – слышались удивленные возгласы одноклассников.

Я и сама совсем забыла о том, что у меня есть родные. В последние годы ко мне в детский дом никто не приходил.

Все были рады за меня и одновременно поражены случившимся. У детдомовской девочки, которая училась с ними пять лет, вдруг, откуда ни возьмись, появилась родная мама.

– Разве так бывает? Такого просто не может быть, – удивлялись мои одноклассники.

Учительница вела меня к маме с таким благоговением, будто я внезапно стала звездой. Ее волнение передалось и мне. Опять нахлынули воспоминания. Опять знакомое и волнующее чувство из далекого детства.

Я шла за ней, не зная, чего ожидать. Мама! Ко мне пришла мама?! Сколько я ждала этого дня! Сколько думала, что скажу маме при встрече. Сколько было слез и вопросов было – почему, почему?

Как только приходили родные, я, бесстрашная, непобедимая во всех детских разборках, теряла дар речи. Опять находила робость, и я не знала, что сказать человеку, родившему меня.

На улице нас ждали две женщины, одна – постарше, плотненькая, пухленькая и невысокая, другая – стройная, высокая и молодая.

– Здравствуйте! Простите, пожалуйста, вы родственники Тамары? – спросила моя учительница.

– Да! – ответила высокая женщина.

– А кто из вас будет мамой?

– Я – мама Тамары, а это – моя подруга и соседка Асилхан, – тихо ответила женщина небольшого роста, будто извиняясь.

Я посмотрела на нее. Первое, что бросилось в глаза, – скромная одежда. Ситцевый коричневый платочек на голове подчеркивал светло-карие глаза, под которыми уже пролегли ранние морщины. Маленький рот и маленький носик создавали впечатление трогательной беззащитности. На подбородке была родинка, как у моей сестры Аси. Широкое платье в полоску было ей немного великовато.

В то время сельские женщины носили платья одинакового фасона...

В груди вдруг защемило. В приливе чувств я вдруг пожалела хрупкую женщину, которая была моей мамой. Захотелось быть рядом с ней, оберегать, любить и защищать ее от всех невзгод. Будто прочитав мои мысли, она обняла меня, прижав к себе.

Классная руководительница, оставив нас одних, тихо ушла.

– Кызым, как сильно ты стала похожа на своего папу!

Хотелось спросить, где он, но, подумав, что его нет, промолчала.

Мама, вытирая слезы, достала из сумки подарки: ожерелье из жемчуга, цветной платочек – и сразу надела их на меня.

– Мы долго искали тебя по всем детским домам, но нам отвечали, что здесь нет девочки с такими именем и фамилией, – мама говорила с акцентом, смешивая казахские слова с русскими, и не все из того, что она говорила, я могла понять.

– И сюда твоя мама приходила, – продолжила ее подруга, – но ей сказали, что тебя здесь нет. Мы живем далеко от города. И каждый год, как только появлялись деньги, твоя мама ездила в детские дома. Нам помог в поисках твой дядя, он на русском языке хорошо говорит.

Видимо, расстроившись, мама взяла сигарету и закурила.

– Тамара, мама оформляет на тебя документы, и скоро ты будешь дома! – сказала ее подруга.

Я вежливо ответила:

– Спасибо!

Потом мы пошли в детский дом. По дороге мне захотелось мороженого. Я впервые попросила, высказав свою просьбу не маме, а ее подруге:

– Купите мне, пожалуйста, мороженое!

Женщина перевела мои слова. Мама улыбнулась и вытащила из чулка свернутые в трубочку деньги.

Быстро прошел месяц, за это время я успела растерять все полученные подарки и совсем забыла о данном мамой обещании. В один прекрасный день ко мне подошла воспитательница:

– Тамара, к тебе мама пришла, тебя домой забирают!

Эта новость быстро разлетелась по детскому дому. Никто не ожидал такого – одиннадцать лет прожить в детском доме, и вдруг тебя забирают домой! Мария Ивановна, провозжая, спешно давала мне советы:

– Ну вот, Тамара, надеюсь, у тебя в семье все сложится хорошо. В таком возрасте не каждый ребенок может привыкнуть к новой жизни, Учись всему, как бы ни было трудно. Я верю, у тебя все получится.

Я не совсем понимала, что хочет сказать мне Мария Ивановна. Ведь это так здорово, что тебя забирают домой! Об этом мечтают все детдомовские дети, и очень редко эта мечта сбывается. Мне вдруг вспомнилось, как одного из наших мальчиков взяли домой и вернули обратно в детский дом. Он просто не смог прижиться в семье – другой язык, традиции, менталитет.

Собирать в чемоданчик нехитрые пожитки помогали все друзья и подруги, все, с кем я прожила здесь эти годы. Дарили на память свои вещи, плакали, не веря, что больше меня не увидят, ведь мы стали близкими и родными за эти годы. Провожал весь детский дом, радуясь моему счастью. Это был всего второй случай за последние пять лет.

Кто-то нес чемодан, а кому-то было просто жаль расставаться со мной.

– Без тебя здесь будет скучно! Как мы будем без твоих приключений? – плакали они. – Ты не забывай нас, приезжай почаще!

От неожиданности событий я лишь молчала, будто набрав воды в рот.

– Теперь ты будешь свободна, будешь делать все, что захочешь. Ведь дома всегда хорошо! – говорили все наперебой.

– Будешь есть конфеты, слушать пластинки, смотреть телевизор, и никто тебя не пнет только за то, что ты не успела почистить зубы, – съязвил на прощание в последний раз Витька Синикеев.

Мне не верилось, что я покидала навсегда моих товарищей, я просто не понимала, что больше их никогда не увижу. Хотелось обнять каждого, но я стеснялась своих чувств и от нахлынувшей робости не знала, что делать. Как я жалела, что не попрощалась с ними и не обнялась. Уже дома мне часто снились подруги, мой детский дом, Мария Ивановна и мои яблоньки из моего далекого детства.

Я выходила из детского дома, и у ворот стояла моя мама. Я долго ждала этого дня, и вдруг неожиданно он настал. Все произошло очень просто – мама обняла меня, и мы пошли домой. Я не ощущала бурной радости, ведь была уже в подростковом возрасте, и покидать привычный образ жизни, к которому я привыкла за столько лет, было уже не так легко, но, слыша за спиной одобрительные и восторженные крики товарищей, понимала, что мне действительно выпал счастливый билет – жить дома.

Лишь через много лет я поняла, что сделала для меня мама, вернув в свою семью, но это уже совсем другая страница моей жизни.

Человеку в любом возрасте нужна семья.

До сих пор Марию Ивановну и своих воспитателей я вспоминаю с великой нежностью. А детский дом считаю своей колыбелью, он был и остается для меня одной из самых важных вех в моей жизни. И все же приходит время, когда ребенку, живущему в детском доме или в интернате, трудно все время находиться в рамках режима, он растет и ему нужна свобода. У него свой внутренний мир, с ним нужно считаться и сохранять его права. Ведь каждый ребенок – это личность, индивидуальность, и мы должны помнить об этом.

ЭПИЛОГ

В книге «Заберите меня домой» я рассказала о маленькой девочке, жившей в детском доме.

Мне хотелось написать веселые истории моего детства. Я очень старалась, деликатно уходила от темы несправедливости и насилия в моем детстве, ведь это будут читать дети, думала я. Но все же получилась печальная повесть.

пронизанная болью и печалью ребенка, прожившего с первых шагов жизни в детском доме.

Только лишь написав книгу, я всюю душой сейчас понимаю, что, будучи еще крохой, часто была на волосок от смерти. И у меня появляются вопросы, на которые, скорей всего, мне уже никто не ответит...

Почему нас разъединили с сестрой? Где Оленька? Почему Олега увезли в интернат для детей психического развития? Почему Олеся не могла переносить режим детского дома? Почему детей в детских домах можно бить и раздевать догола?

Кто теперь ответит на мои вопросы?!

Это происходило сорок лет назад, но с того времени есть ли изменения в детских домах? Я мать, воспитавшая двоих детей, и бабушка внука, часто думаю с тревогой о тех детях, которые находятся сегодня за высоким забором.

Ведь в нашем современном обществе появляется самая страшная проблема – равнодушие к человеку.

Мы закрываем глаза, думая, что эта доля нас не коснется, закрываем души и не хотим жалеть чье-то обездоленное детство, не хотим пускать в свои сердца чужую боль, прячем поглубже свою совесть.

Но на земле есть закон бумеранга, и наше бездушие вернется к нам теми, кого мы вырастим и за кого в ответе.

До тех пор, пока мы можем любить своих ближних, радоваться их успехам, сопереживать и сочувствовать их горю, мы с вами остаемся людьми.

В октябре 2018 года отмечают:

80-летие

Аким МЕЙИРБЕКУЛЫ, поэт

70-летие

Койшыгул ЖЫЛКЫШИЕВ, поэт

50-летие

Билисбек АБДРАЗАК

Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!

